

УДК 332. 133. 6

О.А. РОМАНОВА, д.экон.н., профессор, зав. отделом
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
Электронный адрес: econ@uran.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ*

Каждая страна в своем развитии проходит ряд этапов, которые могут отражать либо позитивные, либо негативные процессы. Любое развитие, будь то отдельная фирма или общество в целом, подчиняется определенным правилам и законам. Некоторые из них определяются внешним окружением и не зависят от субъекта экономического развития. Другие же закономерности субъективны. Так, государство может активно управлять процессом развития общества и экономической сферы посредством, например, специально разработанных стратегий или программ. Успех проведения любых экономических реформ напрямую зависит от масштаба личности реформатора. Вопрос об имеющемся кризисе политического лидерства, например, в США был поставлен более четырех десятилетий назад, и сегодня профессор Гарвардской школы бизнеса Б. Георг пишет: «Мы пришли к пониманию того, что нынешний экономический кризис – результат не столько рухнувшей ипотеки, сколько следствие провала лидерства» [20, с. 20]. Проблема лидерства в отечественной литературе поднимается значительно реже.

В статье рассматривается влияние национальной модели экономического развития на промышленную политику страны; роль лидера в модернизации экономики. На примере Урала показана возможность структурной модернизации его экономики. Обоснована перспективность применения в региональных условиях таких новых инструментов промышленной политики, как системообразующие компании, технологические платформы и развитие кластеров.

Ключевые слова: национальная модель; промышленная политика; эффективность государства; регион; технологическая платформа; кластерная политика; инвестиционный климат

* Статья подготовлена в рамках целевой Программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО РАН. Интеграционный проект: «Методология и обоснование моделей инновационной динамики технологического развития региональной экономики»

Здесь в течение почти 2 десятилетий с момента распада СССР активно дискутируется проблема предпочтительности реализации либеральной или дирижистской модели экономического развития. Некоторые специалисты утверждали, что третье тысячелетие мир встретил «в условиях господства неолиберализма» [2, с. 97]. Существует и точка зрения, согласно которой нынешний мировой кризис – это кризис «гиперлиберализованного современного общества, а главная причина кризиса связана с имманентными этому обществу идеологией и практикой “перепотребления и переприсвоения” благ» [11, с. 5].

В начале 2010 г. опубликован доклад Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра» [17], где делается попытка обосновать безальтернативность либерального развития страны. По оценке В.Н. Лексина, данный доклад является первым либеральным манифестом, разработанным в постсоветский период в России и для России [10, с. 43]. В нем главным условием модернизации объявляется либерализация, одним из главных препятствий для достижения «желаемого будущего» назван «балласт власти». Поэтому в качестве главного ограничителя развития объявлено государство. Правда, при этом замечено, что «его стимулирующие действия могут быть локально полезными, но в целом это попытка форсировать мотор при заблокированных автомобильных тормозах» [17, с. 17]. Авторы доклада в своей исходной методологической посылке декларируют необходимость базирования любых конкретных мер на системе ценностей, соответствующей XXI веку, что должно предопределить необратимый характер процесса модернизации. Поэтому предлагается «отказаться от ценностного наследия», суть которого составляет «ресурсно-сырьевой способ существования», который автоматически сдвигает систему ценностей от индивида, гражданина, общества к полюсу государства и власти. В докладе уточняется: «Если национальное достояние черпается из недр, а не создается людьми, власть превращается в верховного дарителя, а граждане – в благодарных, хотя и всегда недовольных получателей» [17].

Необходимо отметить, что в послевоенный период Всемирной истории либерализм в целом переживал далеко не лучшие времена, а в связи с современным глобальным кризисом все более популярным на Западе становится мнение, согласно которому положительный потенциал либерализма исчерпан, и эта идеология в радикальной своей версии превращается в тормоз дальнейшего развития. Так, интересна точка зрения Р. Гринберга, директора Института экономики РАН, который считает, что мировой кризис продемонстрировал крах философии безбрежного экономического либерализма. Он считает, что «кризис стал естественным следствием 30-летнего господства в мировой, а с начала 1990-х годов – и в российской, экономической политике идеологии “свободного рынка”, главная идея которой – свертывание деятельности государства в пользу сил саморегулирования. Теперь стало ясно, что неконтролируемый и нерегулируемый рынок подрывает устойчивое развитие мировой и национальных экономик, что мощная регуляторная активность государства – императив современного экономического роста» [4, с. 5]. Таким образом, можно отметить, что дирижистская модель развития отечественной экономики также имеет достаточно сторонников.

Формирование промышленной политики в России, ее теоретические и методологические основы во многом предопределяются тем, какая из моделей – либеральная или дирижистская – будут поддержаны как государством, бизнесом, так и обществом в целом. Известно, что промышленная политика ряда латиноамериканских стран, стран Восточной Европы, Азии и России формировалась в соответствии с идеологией «Вашингтонского консенсуса», декларирующей либерализацию внешней торговли, жесткий контроль над инфляцией, приватизацию государственных предприятий и создание возможностей для свободной купли-продажи национальных ресурсов, дерегулирование экономики и жесткую монетарную политику. Активное использование идей Вашингтонского консенсуса в качестве научной доктрины рядом стран в значительной мере определяется ее простотой, так как появлялась возможность использования нескольких экономических показателей (инфляция, рост денежной массы, процентные ставки, бюджетный и торговый дефицит) для выработки политических рекомендаций. На основе позиций Вашингтонского консенсуса устанавливались легко копируемые процедуры, которые могли быть использованы как разными странами, так и крупными организациями. Кроме того, рекомендации ограничивались лишь формулировкой предпосылок развития, не предлагая ответов на многочисленные вопросы, возникающие в его процессе.

Однако полученные результаты в разных странах, в т.ч. и в России, подтвердили несостоятельность предложенной модели. В соответствии с проведенными исследованиями половина стран, которым МВФ оказал финансовую поддержку, по окончании проведения реформ оказались в том же положении, что и до финансовой помощи, а другая половина стран – в еще более худшем положении.

Промышленная политика в странах Юго-Восточной Азии, направленная на уменьшение технологического разрыва между ними и более развитыми странами, фактически расходилась с рекомендациями Вашингтонского консенсуса. Тем не менее в этих странах наблюдались значительный рост ВВП на душу населения, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, повышение уровня образованности населения и резкое снижение уровня бедности. Это способствовало недавнему переосмыслению роли государства в экономическом развитии. Уровень государственных расходов в среднем по развивающимся странам возрос с 16% в 1960 г. до 24% в 1995, а в такой стране, как Бразилия, он возрос с 22 до 38% [19, с. 26].

Государство должно не только сосредоточить свои усилия на решении таких фундаментальных проблем, как развитие образования и здравоохранения, производственной инфраструктуры, поддержание законов и порядка, обеспечение защиты окружающей среды, но призвано играть активную роль в регулировании экономических процессов, осуществлении мер социальной защиты населения и т.д. В странах с эффективными экономиками сфера деятельности государства достаточно широка. Сегодня все больше ученых признают, что государство и частный сектор тесно взаимосвязаны. Государство в значительной мере дополняет рынки, способствует улучшению их функционирования и исправлению «провалов рынка» (market failures). Особенно

велика роль государства в таких областях, как формирование человеческого капитала и передача технологий. Рынок обычно недоинвестирует в развитие технологий. Новые технологии обладают значительными внешними эффектами, которые рынок в должной мере не учитывает. Если государство устраняется из сферы НИОКР, объемы инвестиции в новые технологии и их освоение значительно снижаются.

По мнению китайских исследователей, основной недостаток Вашингтонского консенсуса заключается в доминировании рыночной идеологии и чрезмерной демократизации страны, что совершенно не учитывает национальных особенностей развивающихся стран [25].

При формировании современной отечественной промышленной политики целесообразно учесть не только отрицательные последствия реализации идеологии «Вашингтонского консенсуса», но и тот положительный опыт, который демонстрирует Китай, осуществляющий программу долгосрочного развития своей экономики, т.н. «Большую стратегию». В 2004 году это название было заменено в зарубежной литературе на понятие «Пекинский консенсус». Дж. Рамо, который и ввел понятие «Пекинский консенсус» в противоположность понятию «Вашингтонский консенсус», сформулировал его цель как достижение экономического роста с помощью государства при обеспечении независимости и национальных интересов в условиях стабильности.

«Большая стратегия» разрабатывалась в соответствии с высказываниями Дэн Сяопина о наличии двух основных теорий, составляющих основу формирования стратегии экономического развития страны [14]. Первая – «теория нащупывания», предполагающая проведение реформ не скачкообразно и революционно, а постепенно, нащупывая преграды и осторожно их преодолевая. Китайское правительство сначала апробирует ту или иную реформу в слабом регионе и только после получения положительных результатов реформа распространяется на другие регионы Китая с учетом их особенностей. Вторая теория – это «теория кошки», когда не важно, какие реформы проводятся в государстве (либеральные, плановые, капиталистические, социалистические), главное – как проведение этих реформ отражается на благосостоянии страны и ее граждан.

Реализация «Пекинского консенсуса» предполагает соблюдение следующих обязательных условий [12, с. 65-69]:

- инновационное развитие экономики, создание специальных экономических зон;
- активное участие государства в развитии наукоемких отраслей, а также отраслей тяжелой и добывающей промышленности при минимизации роли правительства в решении целого ряда других экономических и социальных проблем;
- сбалансированный качественный устойчивый рост в условиях поступательного движения реформ;
- «либерализация» собственности по-китайски, когда малые и средние предприятия могут быть проданы с аукционов, но положение крупных предприятий регулируется государством. Разрешение на приватизацию может быть получено только после реструктуризации предприятий и достижения ими достаточной конкурентоспособности;

- открытость страны не только для иностранного капитала и транснациональных компаний, но и для внедрения новейших управленческих институтов и идей;
- совершенствование духовной, социально и политической сфер общества;
- развитие большей самостоятельности и независимости индивидов (основной акцент – повышение уровня образования, что позволило за последние 20 лет увеличить численность студентов высших учебных заведений более чем в 10 раз).

Таким образом, Пекинский консенсус формирует собственный путь развития китайского государства, при котором развитие рыночных институтов предполагает не столько изменение отношений собственности, сколько их трансформацию в зависимости от внутренних условий функционирования и внешних угроз.

Формирование промышленной политики России находится в прямой зависимости от реализации принятой модели социально-экономического развития страны. Известно, что модели регулирования экономического развития достаточно многообразны: либерально-рыночная модель, утвердившаяся в США, Канаде, Великобритании; социально-рыночная – в Германии; социально-демократическая – в Швеции; дирижистская – во Франции, особая патерналистская модель – в Японии. В Китае и Монголии сложилась двухсекторная модель. Как было отмечено, в России наиболее обсуждаемыми альтернативными моделями экономической политики, определяющими тип промышленной политики, являются либеральная и дирижистская. Если в рамках либеральной модели провозглашается свободная игра рыночных сил и минимум участия государства в экономике, то при дирижистской модели считается допустимым активное участие государства в экономике не только как реформатора, но и как действующего субъекта, государственного предпринимателя и инвестора. В рамках данных моделей сформировались «жесткая», или вертикальная, как принято ее называть в странах ЕС, модель промполитики и «мягкая», или горизонтальная. Первая из них предполагает стимулирование конкретных производств при использовании в качестве инструмента господдержки всевозможных льгот. Вторая модель ориентируется на создание общих для всех отраслей возможностей развития производства.

Однако с позиции новой экономики ни одна из этих моделей не отражает адекватно роль и значение промышленной политики. Очевидно, что в период формирования геоэкономики теоретический подход, основанный только на противопоставлении рынка и централизованно управляемой экономики, не может являться достаточным для определения содержания и целей современной промышленной политики. Это актуализирует проблему разработки взвешенного подхода, сближающего альтернативные позиции и учитывающего, что промышленная политика должна отвечать требованиям динамичности, своевременной корректировки хода развития в соответствии с изменениями внешней среды, принципам самоорганизации. При разработке такого подхода важны теоретические основы формирования промышленной политики, которые также достаточно противоречивы. Так, высказывается мнение о том, что промышленная политика, так же как и государственная политика, может быть

не привязана к определенным теоретическим моделям [22, с. 6] или может быть реализована только на основе хорошей экономической теории [8, с. 47].

Представляется, что важным условием успешной промышленной политики является четкое соблюдение системного подхода к ее формированию и реализации, что обосновано в работах [7, с. 142; 18, с. 21]. Однако в условиях развития экономики XXI века системный подход, по нашему мнению, должен быть уточнен с позиции системно-синергетического подхода к формированию промышленной политики [9, с. 11; 16]. Именно такой подход позволяет не только решать задачи устойчивого развития (что возможно в рамках системного подхода), но и обеспечить качественное развитие, переход на новую, более высокую ступень развития. Кроме того, ситуационное регулирование, как основной принцип управления при системном подходе, реализуется в принципе самоорганизации при системно-синергетическом подходе. Важным преимуществом последнего подхода является также не просто взаимодействие с внешней средой, позволяющее адаптироваться к ней, а воздействие на среду, преодоление неопределенности, учет приоритета нелинейных инноваций.

Такая трактовка промышленной политики позволяет считать правомерным понимание ее природы как политики, взаимодействующей с внешней средой, корректирующей рыночные силы: она может усиливать или нивелировать эффект распределения ресурсов, максимально увеличивая собственный потенциал экономического роста, снижая риски производственных потерь и погони за рентой.

Профессор Гарвардского университета Д. Родрик отмечает: «В развивающихся странах трудно найти преуспевающую индустрию, которая бы не была результатом проведения промышленной политики [24, с. 17]». В то же время в отечественной литературе высказываются сомнения относительно целесообразности проведения государственной промполитики, в том числе связанные с разной оценкой изменения роли промышленности в формирующейся экономике знаний. Действительно, значимость промышленного производства с точки зрения объемных показателей снижается. Так, доля промышленности в формировании ВВП, например, стран ЕС снизилась с 30% в 1970 г. менее чем до 16% в первом десятилетии XXI века. Аналогичная тенденция в нашей стране наблюдается, в частности, на Среднем Урале: доля промышленности в формировании ВРП снизилась с 45,3% в 2000 г. до 41,3% в 2005 г. и до 40% в 2010 г. В то же время промышленное производство является важным фактором развития экономики, основанной на знаниях и инновациях, поскольку более 80% совокупных расходов на НИОКР осуществляется, по данным Eurostat Business Statistics, в отраслях промышленности. К сожалению, можно отметить, что в России в течение более 10 лет темпы роста промышленности были ниже темпов роста ВВП.

Отечественная промышленность в настоящий период характеризуется наличием двух секторов, резко различающихся по технологическому уровню и рентабельности (узкий сегмент производства конкурентоспособных торгуемых на мировом рынке товаров и высокая концентрация занятых в отраслях с невысокой конкурентоспособностью), что не позволяет говорить о конкурентоспособности отечественной промышленности. Появление таких секторов

возможно в условиях, когда государство не берет на себя ответственность за формирование основных экономических и финансовых макропропорций, за решение структурных проблем.

Одним из крупнейших промышленных регионов России является Уральский федеральный округ (УрФО), где основные виды экономической деятельности – добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства. Особенностью отраслевой структуры его наиболее развитых территорий является превалирование добычи полезных ископаемых (Тюменская область – 75,1%) и обрабатывающих производств (Свердловская и Челябинская области, соответственно 81,5 и 89,1%) (таблица).

Таблица

**Структура объема отгруженных товаров в УрФО
по видам экономической деятельности, %**

Виды экономической деятельности	УрФО		Субъекты УрФО (области)							
			Свердловская		Челябинская		Тюменская		Курганская	
	2005	2010	2005	2010	2005	2010	2005	2010	2005	2010
Добыча полезных ископаемых	54,4	48,7	5,8	5,8	1,7	2,0	80,2	75,1	0,9	2,4
Обрабатывающие производства	38,8	42,7	83,7	81,5	90,5	89,1	14,6	17,9	74,9	73,7
Производство и распределение электроэнергии	6,8	8,6	10,5	12,7	7,8	8,9	5,3	7,0	24,1	23,9

2010 год по Свердловской и Челябинской областям, так же как по УрФО и России в целом, характеризуется положительной динамикой развития экономики, основной вклад в которую внесла промышленность. Причем, при среднем показателе роста по всему кругу предприятий УрФО на 7%, объемы производства в обрабатывающих отраслях увеличились в среднем на 15%. Рост индекса промышленного производства, составивший в 2010 г. по России в целом 108,9%, в Свердловской области достиг 116,9%, в Челябинской – 112,1%.

Положительные итоги экономического развития в 2010 г. явились результатом реализации экономической модели, ориентированной на рост спроса, но модернизационная составляющая, которая присутствует в системном кризисе, оказалась незадействованной. Экономический рост сам по себе не является свидетельством реализации модернизационных процессов. Главное в сегодняшних условиях – это формирование на общегосударственном уровне новой модели роста, обеспечение нового качества этого роста, что может способствовать повышению уровня конкурентоспособности промышленности региона, реализации масштабных экономических, организационных и технологических решений. Только на такой основе возможно формирование современной промышленности, основанной на новом качестве роста.

Определяющим фактором формирования такой индустрии является промышленная политика, которая из государственной неизбежно должна

трансформироваться в национальную промышленную политику, т.е. политику, определяющую систему отношений власти, бизнеса, науки, общества по поводу изменения межотраслевых пропорций, формирования структурно сбалансированной, конкурентоспособной экономики. Такая политика, вырабатывая стратегические ориентиры, направленные на прогрессивные изменения в структуре промышленного производства, и реализуя общегосударственные приоритеты, должна учитывать особенности и потенциал конкретных субъектов РФ.

Урал, как индустриальный район с преобладанием традиционных видов промышленного производства, особо нуждается в модернизации, что предполагает не только эффективное обновление реального сектора экономики, но и согласованные качественные изменения во всей системе общественных отношений в соответствии с требованиями времени. Особое значение при этом имеет эффективность государства как главного инструмента осуществления модернизации страны в целом при синхронной реализации трех взаимозависящих направлений: подготовки политико-правовых, экономических, технологических и социальных предпосылок для модернизации; коренной модернизации существующего материального производства и действующей инфраструктуры; создании принципиально новых сфер деятельности.

С этих позиций эффективность государства в России довольно низка и препятствует активной модернизации промышленности. Но в целом неэффективность государства с позиции осуществления промышленной политики, направленной на системную модернизацию, определяется тем, что в России слаба функция стратегического управления экономикой. Здесь происходит нерациональное усиление отраслевых и территориальных диспропорций, не реализуются в должной степени новые представления о соотношении роли экономических и социальных факторов в государственном управлении. В России недооценивается роль экспертной проработки принимаемых решений, отсутствует оптимальность соотношения групповых и общенациональных интересов при формировании государственной политики, сохраняется коррупциогенность управленческой системы как ее системообразующее качество [23].

В настоящее время как в России, так и в отдельных ее регионах активизируется работа по снижению неэффективности функционирования государства, в том числе за счет усиления внимания к стратегиям социально экономического развития территорий, снижению коррупции и др. Так, в УрФО разработаны законопроекты о противодействии проникновению криминала во власть, о неэффективных собственниках, в Свердловской области обсуждается проект закона «О программах социально-экономического развития Свердловской области» и т.д. Однако необходимо отметить, что остаются проблемы концептуального характера, которые уже привели к неэффективности российского государства в осуществлении эффективной промышленной политики. Прежде всего это упрощенное понимание роли государства в современном мире. Во второй половине XX века восторжествовали идеи новой концептуальной парадигмы, т.н. NPM (new

public management), кардинально меняющей взгляды на государство. Ранее «государство рассматривалось как средоточие мирового разума, а в соответствии с новой парадигмой возобладали сервисный подход к пониманию государства, которое стало рассматриваться как организация, ориентированная на оказание услуг гражданам» [13].

В развитых экономиках такой формат государства успешен. Здесь стратегические функции остаются за госаппаратом, а функции предоставления услуг передаются коммерческому сектору и институтам гражданского общества. Такое разделение ответственности между государством и обществом стало целесообразным благодаря сформировавшейся способности и готовности коммерческого сектора и институтов гражданского общества взять на себя ряд функций, ранее являвшихся монополией государства. Однако то, что оказалось эффективным для высокоразвитых стран, не принесло ожидаемого эффекта в развивающихся странах, в том числе в России. *Главной причиной неприемлемости в сегодняшних условиях России данного формата государства является то, что сама идеология сервисного подхода к пониманию государства не соответствует задачам проведения современной промышленной политики, модернизации экономики.* Кроме того, нельзя не согласиться с существующим мнением, что «административный отбор лояльных кадров, неформальные практики не могут рождать политических лидеров, способных совершить модернизационный прорыв» [13, с. 29]. В целом оценка системы государственного управления с позиции ее возможности осуществления современной промышленной политики, активизации модернизационных процессов свидетельствует о том, что Россия демонстрирует слабую реакцию отечественной государственности к распространяющейся в наиболее развитой части мира модели «активизирующееся государство».

Серьезным препятствием для успешной промышленной политики, реализующей крупномасштабные модернизационные проекты на региональном уровне, является вытеснение вертикалью государственной власти из федерального политического процесса региональных элит. Это повлияло на изменение политических, а значит, и экономических стратегий самих региональных элит, в основе поведения которых лежит приоритетность выполнения федеральных установок и решение главным образом не стратегических, а тактических задач. В результате потенциал экономического роста, заложенный в рациональном устройстве государства, оказывается утраченным, наблюдается значительно снизившаяся мотивация риска и поиска новых перспектив, что способствует развитию феномена коротких целей у региональной элиты [3, с. 56]. Результаты исследований центра Юрия Левады по инструментам влияния, необходимым для принятия нужных решений, показывают, что более 65% вице-губернаторов, 70% высокопоставленных чиновников исполнительной власти, 69% представителей законодательной власти, 76% руководителей крупного и среднего бизнеса считают основным рычагом влияния на принятие необходимых решений близость к Президенту РФ и его Администрации, а значимость таких факторов, как необходимость реформ, умение их реализовывать, по мнению

тех же категорий опрошенных, составляет соответственно 13%, 12%, 10%, 2% [5, с. 327].

Ключевым условием, предпосылкой и фактором создания современной промышленности в рамках формирующейся экономики знаний, стало качество человеческого потенциала, развитие которого является исключительной прерогативой государства. Именно это обстоятельство предопределило значительные вложения в человеческий капитал, осуществленные в успешных экономиках мира. В то же время в России четко проявилась недооценка современных функций, исполнение которых всегда лежит на государстве.

Сегодня государство активизирует политику, реализующую императив перехода к инновационному развитию и использующую широкий спектр апробированных в мировой практике селективных методов промышленной политики, поддерживающей высокотехнологичные, инновационно активные предприятия и организации. Среди них наибольшее значение для модернизации промышленности Урала имеют системообразующие компании, технологические платформы, кластерная политика, улучшение инвестиционного климата.

Системообразующие компании. Промышленная политика европейских стран и США в значительной степени основана на развитии национальных системообразующих компаний-отраслей и укреплении их позиций на мировом рынке высокотехнологичной продукции [1, с. 25-26]. Положительный опыт создания системообразующих компаний в отечественной экономике уже есть. Критерии их отбора формируются с позиции обеспечения национальной безопасности (головные организации ОПК), экономической устойчивости (организации, являющиеся конечными в технологической цепочке, ключевые экспортеры, ключевые импортозаместители, предприятия, имеющие высокую долю на рынке) и социальной стабильности (поставщики товаров и услуг, градообразующие организации, крупные работодатели, крупнейшие налогоплательщики региона). На Урале в число системообразующих компаний, например, в области металлургии в 2008 г. вошла группа «Челябинский трубопрокатный завод» (ЧТПЗ). В 2010 году здесь были реализованы с помощью господдержки два крупнейших инвестиционных проекта – новый цех по производству труб большого диаметра на площадке Челябинского трубопрокатного завода и новый электросталеплавильный комплекс на площадке Первоуральского новотрубного завода. Этот комплекс станет одним из самых высокопроизводительных комплексов в Европе и абсолютным лидером среди российских металлургических предприятий по выработке стали на одного работающего при соблюдении всех экологических требований, предъявляемых как российским, так и европейским законодательством.

Технологические платформы (ТП). Значительную роль в системной технологической модернизации России и ее крупных промышленных регионов может сыграть формирование ТП. Концепция ТП, как определенная система взглядов по преодолению провалов как рынка, так и государства, начала активно развиваться в России. В Европе процесс формирования ТП,

так называемых Европейских технологических платформ (ЕТП), призванных объединить усилия ключевых промышленных хозяйствующих субъектов, финансовых структур, органов власти, научного сообщества и гражданского общества, начался еще в 2001 г. Официально идеология ЕТП была оформлена в документе Евросоюза под названием «Промышленная политика в расширившейся Европе» («Industrial Policy in an Enlarged Europe») [13].

В России в 2010 году Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям утвердила Порядок формирования перечня ТП, а также создала рабочую группу по развитию государственно-частного партнерства в инновационной сфере. Здесь ТП создаются как в целях обеспечения лидерства в высокотехнологичных секторах, разработке новых технологий, обеспечивающих радикальные изменения в структурных пропорциях промышленности, так и для модернизации традиционных видов производств. ТП являются новым инструментом и коммуникационной площадкой для обсуждения важнейших проектов технологического развития, для выработки и реализации долгосрочных приоритетов в масштабах экономики страны, при объединении усилий государства, науки и бизнеса в разработке и производстве уникальной продукции в рамках модернизации экономики России. Особенностью проектов ТП является четкая направленность на интересы общества, бизнеса, государства; значимое представительство бизнеса (50%); средне- и долгосрочно ориентированные проекты.

В Минэкономразвития поступило более 170 проектов, претендующих на включение в список технологических платформ. В течение 2011 года планируется создать около 30 технологических платформ, которые объединят бизнес, науку и государство для решения приоритетных технологических проблем. В области металлургии, имеющей особое значение для УрФО, заявлены две общероссийские платформы, направление одной из них связано с полимерными композиционными материалами; направление другой – с созданием новых материалов и технологий металлургии [26]. Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» заявлен проект технологической платформы «Редкоземельные металлы».

Нельзя не учитывать, что практическая реализация технологических платформ – это достаточно сложный процесс, который напрямую зависит от качества корпоративного и государственного управления. Государство, которое традиционно в России является главным спонсором и собственником в сфере науки, технологий, инноваций, пока достаточно слабо реализует функцию модератора сетевых взаимодействий. При условии успешной реализации технологических платформ возможны модернизация действующего производства, формирование новых секторов российской промышленности, расширение научно-производственной кооперации, создание новых партнерств в инновационной сфере.

Кластерная политика. Формирование кластеров является в современных условиях одним из важнейших факторов регионального развития и определяющим инструментом становления новой промышленности.

В субъектах РФ появились многочисленные предложения о возможности создания региональных кластеров. Так, в Свердловской области существуют реальные предпосылки и начато формирование таких кластеров, как Уральский фармацевтический, химический кластер (химический парк «Тагил»), кластер железнодорожного машиностроения, IT-кластер и др.

Формирование IT-кластера на Среднем Урале поддерживается региональными властями. Здесь создается специализированный венчурный фонд, ориентированный на микрофинансирование стартапов, специализированный IT-парк, специализированный IT-инкубатор. Министерство информационных технологий и связи Свердловской области разработало систему управления для исполнительных органов госвласти региона, позволяющую вести мониторинг эффективности органов местного самоуправления. В Свердловской области создан интернет-портал органов государственной власти, что позволило предложить единое стандартизованное решение для создания и публикации сайтов органов госвласти с централизованной технической поддержкой, готовым дизайном и функциональными модулями. В 2010 году в Свердловской области появился проектный портал U2020, в рамках которого разработана система проектного управления, объединяющая информационное пространство как органов исполнительной власти, так и коммерческих компаний. Развитие IT-кластера позволит увеличить объем отгружаемой продукции к 2015 г. более чем в 7 раз; количество инновационно-активных компаний возрастет в 1,6 раза, а численность занятых увеличится до 7200 чел.

Особое значение как для Урала, так и для страны в целом имеет создание мощного редкоземельного кластера [21, с. 3-5]. На Урале сосредоточены крупные разведанные запасы редкоземельных материалов, большие запасы техногенного комплексного сырья, в т.ч. запасы ториевого моноцитового концентрата, медеплавильные шламы, красные шламы алюминиевых заводов и т.д. На территории Урала имеются предприятия, которые могут участвовать в процессе переработки техногенных запасов сырья, здесь же расположены многочисленные потребители редкоземельной продукции, серьезные научно-исследовательские и проектные организации, а также специализированные кафедры в высших учебных заведениях, которые могут составить основу подготовки квалифицированного кадрового персонала по переработке редких и редкоземельных металлов. Значение создания такого кластера трудно переоценить, ибо редкоземельные металлы во многом определяют возможность развития современных высокотехнологичных производств, создания принципиально новых инновационных сфер деятельности.

Реализация кластерной политики позволит увеличить предложение новых материалов, производимых в пределах кластеров, таких как продукция глубокой химической переработки газа, производство высокоэнергетических наноструктурированных магнитных материалов и др. Кроме того, в рамках кластерной политики могут быть значительно расширены услуги Технико-внедренческого центра металлургии и тяжелого машиностроения, создаваемого в Свердловской области, связанные с предложением новых технологий модернизации традиционной уральской индустрии.

Улучшение инвестиционного климата. Субъекты РФ, находящихся в составе УрФО, в частности Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Свердловская и Челябинская области, входят в первую двадцатку регионов по инвестициям в основной капитал. Их суммарная доля составляет около 18% от аналогичного показателя по РФ. Инвестиции, вкладываемые в основной капитал Свердловской области, составляют около 3% общероссийских, Челябинской – около 2%. На Урале реализуются крупные долгосрочные инвестиционные проекты. Здесь из ТОП-10 инновационных проектов региона девять осуществляются в горно-металлургическом комплексе. Уже сегодня металлургия Урала активно модернизируется. Здесь полностью ликвидировано мартеновское производство, значительно возросло производство металлопродукции высоких переделов. Трубная металлургическая компания стала одной из ведущих мировых компаний.

Продолжение модернизации уральской металлургии и успешная реализация инвестиционных проектов во многом будет зависеть от улучшения инвестиционного климата как в субъектах УрФО, так и в России в целом. С этой целью в 2011 году в каждом федеральном округе вводится специальный институт инвестиционного уполномоченного. Особое место в его деятельности будет занимать взаимодействие инвесторов с органами исполнительной власти. В субъектах РФ активизируется работа в данном направлении. Так, в Свердловской области, в ходе реорганизации Минэкономики, выделено самостоятельное министерство развития и инвестиций. Оно будет функционировать с целью создания оптимального климата для инвесторов, продвижения региона за рубежом, снижения административных барьеров.

В России в 2011 году создается российский фонд прямых инвестиций с целью привлечения прямых иностранных инвестиций [6]. Этот фонд предназначен для софинансирования вложений средств со стороны зарубежных фондов, со стороны крупных компаний в значительные (с позиции российской экономики) инвестиционные проекты. Государство не будет принимать участия в управлении таким фондом и гарантирует выход из капитала компании в период менее чем 10 лет. Фонд будет учрежден Внешэкономбанком с первоначальным объемом не менее 2 млрд долл. и последующим доведением этого объема до 10 млрд долл. Доля Фонда во всех проектах колеблется от 10 до 25%. Задача, поставленная перед управляющей командой фонда, состоит в привлечении новых инвестиций в объеме, превышающем размер Фонда не менее чем в 5 раз [6].

Значимым фактором успешной реализации промышленной политики может явиться восстановление Российского фонда технологического развития, который сейчас фактически не функционирует. Целесообразно переориентировать его на поддержку инновационных проектов хозяйствующих субъектов, а так же проектов, которые могут быть осуществлены в рамках ТП. Данный фонд может стать основой грантов для обеспечения инновационной деятельности. Кроме того, Фонд технологического развития может осуществлять не только финансовую, но и информационную,

и консультационную поддержку бизнес-структур, специализирующихся на прикладных НИОКР, технологических и организационных инновациях, продвижении высокотехнологичной продукции на внешние рынки.

Как выше было отмечено, процессы модернизации и инновационного развития, как приоритетные направления промышленной политики, носят целенаправленный и управляемый характер. Поэтому принимаемые меры можно трактовать как меры, призванные сделать государство более эффективным, уменьшить препятствия к преобразованию промышленности, связанные с нарушением требований законодательства, высокими бюрократическими барьерами, отсутствием поддержки российскими гражданами модернизационных процессов. Однако для придания таким мерам системного характера необходимо законодательное обеспечение активной промышленной политики, устраняющей структурные диспропорции, стимулирующей модернизацию традиционных отраслей, создание новых секторов экономики и высокотехнологичных производств. Отсутствие федерального закона о промышленной политике в России вынудило субъекты РФ разрабатывать одноименные областные законы. Проведенный нами анализ более 40 таких законов показал, что они декларируют противоречивые цели, принципы и механизмы реализации, рассчитаны на краткосрочный период, зачастую не соответствуют общегосударственным приоритетам промышленного развития [16, с. 32-45].

В то же время наши исследования говорят о том, что современная промышленная политика может привести к улучшению структуры экономики Свердловской области, позволит диверсифицировать промышленной комплекс региона за счет создания таких новых секторов, как фармацевтическая и редкоземельная промышленность, производство программного обеспечения, электровозов нового поколения и т.д. Кроме того, состоится значительное инновационное обновление традиционной уральской индустрии (металлургии, химической промышленности, машиностроения и др.). Доля высокотехнологичного сектора в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Свердловской области возрастет к 2020 г. в структуре ВРП до 24%.

В Институте экономики УрО РАН совместно с министерством промышленности и науки Свердловской области разработан проект федерального закона «О региональной промышленной политике в РФ», который является модельным законом. В нем акцентированы общегосударственные приоритеты формирования современной промышленности, учет региональных особенностей, согласованные механизмы промышленной политики, принципы частно-государственного партнерства, инновационного развития, проектной реструктуризации и модернизации действующего производства. Проведение промышленной политики на основе единой законодательной базы, с учетом основных принципов ее формирования в европейских странах и особенностей регионов России, будет серьезным фактором модернизации национальной экономики.

Список литературы

1. *Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Кушиниренко А.Г.* Промышленность, инновации, образование и наука в России. М.: Наука, 2009. С. 25-26.
2. *Гайдар Е.* Долгое время. Россия и мир: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 97.
3. *Гельман В.* Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. 2009. № 5-6. С. 56.
4. *Гринберг Р.* Становление новой экономической системы. Общий ход реформы // Рос.экон.журнал. 2009. № 3-4. С. 5.
5. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема элиты в современной России. М., С. 327.
6. Заседание комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. URL: <http://state.kremlin.ru/face/10777> (дата обращения: 5.04.2011).
7. *Клейнер Г.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 142.
8. *Колодко Г.* Институты, политика, экономический рост // Вопросы экономики. 2004. № 7. С. 47.
9. *Кузнецов Б., Галиуллина Г.* Синергетический менеджмент – пропуск в будущее // Экон.синергетика: сб. науч. тр. Набережные Челны: Изд-во Кам. гос.инж.-экон.акад., 2007. С. 11.
10. *Лексин В.* Либеральная Россия как реальность и как перспектива // Рос.экон. журнал. 2010. № 1. С. 43.
11. *Лексин В.* Россия до, во время и после глобального кризиса // Рос.экон. журнал. 2009. № 7-8. С. 5.
12. *Лопатина А.Н.* От «Вашингтонского консенсуса» к «Пекинскому»// США и Канада: экономика-политика – культура. 2010. № 9. С. 65-69.
13. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / отв. ред. *А.Н. Аринин*. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2010. С. 54
14. *Пономарев А.* Не слепок, но похоже // Поиск. 2011. № 4.
15. *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: ИДВ РАН, 1998.
16. *Романова О.А.* Промышленная политика с позиции экономической синергетики // Синергетическое управление социально-экономическим развитием: тр. междунар. науч.-практ. конф. Набережные Челны, 2010.
17. *Романова О.А.* Промышленная политика: эволюция механизма реализации / Совр.конкуренция. 2008. № 6. С. 32-45.
18. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон – Информ, 2010.
19. *Стиглиц Дж.*, Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8. С. 26, 27.
20. *Татаркин А., Романова О.* Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход // Экономика региона 2007. № 3. С. 21.
21. *Травкина Н.* 2010: США перед выбором // США и Канада. 2010. № 9. С. 20.

22. Язев В.А. Возможности редкоземельной продукции // Промышленная политика в Российской Федерации. 2011. № 1-3. С. 3-5.
23. Ясин Е. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Вопросы экономики. 2004. № 7. С.6.
24. Gaman-Golutvina O. Contradictions between Freedom and Development: Historical and Contemporary Dimensions (Russian Case). In: Dyczok M., Gaman-Golutvina O., eds. Media, Freedom and Democracy. Bern, 2009.
25. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century / Harvard University. 2004. P. 17.
26. Wu Shuqing, Cheng Enfu. URL: <http://english.peopledaily.com.cn> (дата обращения: 5.05.2011).